

**Отзыв официального оппонента
кандидата исторических наук В. Ю. Крюковой
на диссертацию Салавата Ишмухаметовича Хамидуллина
«Бурджаны: источники, история изучения, гипотезы»,
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических
наук по специальности 07.00.07 – этнография, этнология и антропология**

Диссертационное исследование Салавата Ишмухаметовича Хамидуллина посвящено этнической истории бурджан (бурзян), родового подразделения в составе башкир. Появление работы по теме, с одной стороны, до сих пор не раскрытой досконально, а с другой – вызывающей интерес в научной среде, восполняет существующую лакуну. Полемический характер исследования заявлен в названии диссертации, отсылающем нас к комплексному анализу источников и гипотез, выдвигавшихся относительно возникновения этнонима «бурджан», к соотнесению его с другими вариантами, засвидетельствованными в различных культурно-исторических традициях и прослеживанию исторического пути бурджан. При этом диссертация не носит компилятивный характер, а, напротив, при стремлении охватить весь имеющийся материал полностью, подвергает факты доскональному анализу, привлекая его для создания доказательной базы собственных гипотез автора.

Одной из основных идей работы является прослеживание иранского компонента в этногенезе бурджан. Взаимодействию тюркских и иранских народов, иранскому влиянию на формирование тюркских культур уделяли внимание крупнейшие отечественные востоковеды, такие как Владимир Федорович Минорский, Александр Николаевич Самойлович, Сергей Григорьевич Кляшторный, Леонид Романович Кызласов. В этом смысле диссертационное исследование является продолжением традиции.

Во Введении диссертации, в полном соответствии с предъявляемыми к диссертационным исследованиям требованиями, автором четко сформулированы цели и задачи исследования, дан историографический обзор, указаны хронологические рамки работы и ее методологическая основа. Впечатляющим выглядит перечень использованных арабских, персидских, а также армянских, византийских, сирийских, хазарских и еврейских источников, демонстрирующий хорошее знание материала и прекрасную эрудицию автора. Этот значительный, если не исчерпывающий, свод служит базой для всего исследования, и диссертант берет на себя смелую задачу свести и упорядочить подчас весьма противоречивые сведения, принадлежащие разным эпохам и культурам.

В Первой главе «Бурджаны в письменной традиции Востока» автор формулирует «булгаро-бурджанскую проблему», полемизируя с устоявшейся в современной отечественной историографии точкой зрения о тождестве бурджан и дунайских булгар. Отталкиваясь от информации цитируемых исследователями памятников и предлагая классификацию последних, диссертант ставит вопросы о причинах, по которым арабские источники различают либо смешивают булгар и бурджан.

Вторая глава «Бурджан и Берзилия: хронология, локализация, этническая атрибуция», прослеживает данные источников относительно возможной даты появления этих групп на исторической сцене, приходя к выводу, что такой датой может быть 3 в. и представляет попытку лингвистического анализа этнонимов.

В Третьей главе «Этнополитическая история бурджан в III-XIII вв. н. э» в хронологической последовательности излагается исторический путь бурджан, начинаемый диссертантом с «Предков народа бурджан» (параграф первый), рассматривая который автор углубляется в авестийскую географию и исследует иранские названия народов. Автор оперирует свидетельствами источников, имеющих отношение к периоду правления Сасанидов в Иране, и, соответственно, к бурджано-тюркским контактам после возникновения Тюркского каганата и в период существования Хазарского каганата.

В Четвертой главе, «Элементы индоиранской мифологии в духовной культуре башкирского народа» автор пытается провести параллели и обнаружить связь между иранскими и башкирскими мифологическими персонажами и выносит на рассмотрение типологически близкие образы. Среди удачных отождествлений можно отметить, например, пару иранский Сенмурв (Симург) – башкирский «птичий царь» Самрау.

Диссертационное исследование Салавата Ишмухаметовича Хамидуллина представляет собой опыт досконального изучения этнической истории бурджан. Автором был выявлен и проработан колоссальный по объему и значению материал, включающий источники на восточных и европейских языках. Были поставлены новые для науки задачи и предложены их решения. Все это относится к числу несомненных достоинств работы. Однако обобщение порой противоречивых свидетельств источников, потребность в восполнении лакун, не позволяющих свести все имеющиеся данные к стройной схеме, способствовали появлению в ряде случаев, возможно, неизбежных натяжек. Большой тематический диапазон, потребовавший от автора включение в работу лингвистического анализа терминов, вызвал и возникновение ошибок.

Автор часто обращается к терминам «эпос», «эпический», в том числе применяя их к памятникам, которые не являются эпосами, например, к своду священных зороастрийских текстов «Авесте», богословским зороастрийским сочинениям «Денкард», «Бундахишн», а также к «Хвадай-намаг» (с. 30, 49). На с. 49 автор пишет о «Малой Азии, то есть ар-Руме». Как известно, Рум мусульманских источников – это Византия, восточно-христианский мир, а не полуостров Малая Азия.

На с. 60 мы читаем следующую фразу: «Под «биографиями персидских царей» нужно иметь в виду либо арабские переводы «Хвадай намаг», легшие в основу поэмы Фирдоуси «Шахнаме», либо сочинения беллетристического жанра типа «Карнамак-и Артахшир-и Папакан» («Книга деяний Ардашира Папакана»). Эти произведения являются скорее эпическими сказаниями, чем историческими хрониками. Рассказывая о реальных событиях, они содержат множество анахронизмов.» Что касается «Книги деяний Ардашира», она не является ни беллетристикой, ни тем более эпосом, хотя некоторые элементы и того, и другого действительно содержит. Цели составления этого произведения

были гораздо сложнее – фактически, создание легендарной истории Сасанидов, утверждение законности их власти и удревление династии, о чем в свое время писал В. Г. Луконин (Луконин В. Г. Культура Сасанидского Ирана. М., 1969. С. 7-8), а также переводчица Карнамага на русский язык О. М. Чунакова (Книга деяний Ардашира сына Папака. М., 1987. С. 9 и сл.). Относительно «Шах-наме» следует отметить, что об этом произведении, как и о его авторе, несмотря на широчайшую популярность, известно немного. Тем не менее, нельзя однозначно назвать его источником именно арабские переводы «Хвадай намаг». «Хвадай намаг» во время Фердоуси еще существовала на среднеперсидском.

Предполагают, что имелись и переводы этого сочинения на новоперсидский язык, современные Фердоуси. Вообще, «Шах-наме» называют первым произведением на новоперсидском, и устно среднеперсидский язык был бы безусловно понятен Фердоуси, сложность составляет среднеперсидское письмо. Вопрос об источниках Фердоуси требует большего внимания и осторожности.

К сожалению, языковые экскурсы не являются сильной стороной исследования. Так, на с. 77 автор рассуждает о предполагаемом персидском слове в тексте, не имея перед собой персидского оригинала, а пользуясь лишь русским переводом.

На с. 80-81 автор пишет о «корнях -бурдж- и -берз- с прибавлением суффиксов -ан- и -ил- соответственно. Их этимология довольно прозрачна: берз/бурдж/бурз являются древнеиранской(авестийской), среднеперсидской (пехлевийской) и новоперсидской (фарси) формами слова ‘высокий’, ‘великий’, ‘возвышенный’. Эволюция этого корня хорошо прослеживается на примере эволюции названия священной горы древних иранцев «Высокая Хара»: Хара Березайти (Авеста), затем Хар-Бурз/Хар Бурдж/Аль-Бурдж (пехлевийские сочинения) и, наконец, Альбурз (поэма «Шахнаме») или Эльбрус по-русски. Интересно, что первоначально данное название носили Уральские горы».

Во-первых, речь может идти, скорее, о предположении, а не о ясном решении. Во-вторых, для передачи иранских слов, основ, корней принято пользоваться научной транскрипцией на основе латиницы. В-третьих, комментируя искомый корень, следует, скорее, обращаться не к Хара Березайти, а привлекать иранский корень *brāz- «верх» (См., напр. Этимологический словарь иранских языков. Т.2. М., 2003. С. 122-123). Как авестийский, так и средне- и новоперсидский вариант указаны автором неверно (правильно: brāz-, burz, borz (последнее для перс. Elborz). Замечание о том, что «первоначально данное название [Хара Березайти] носили Уральские горы» (с. 81) можно считать лишь одной из смелых гипотез.

Что касается четвертой главы работы (которая видится в общей композиции исследования необязательной), далеко не все предложенные автором сопоставления представляются приемлемыми. Это, например, касается сравнения Урал-батыра и с Йимой, и с Митрой. Представляются маловероятными параллели (с. 209) между башкирским йэм – йамак (красота – уродство) и парой Йима-Йимак (легендарный первый иранский правитель и его сестра-близнец), башкирским йомарт «добрый» и авестийским Гайомарт (авест. *gaiia- marətan-* «жизнь смертная», среднеперс. *gayōmart*). Не имеет под

собой никакой почвы рассуждение на с. 210 о связи «сура» (санскр. *súgā* – древнеиндийский напиток) и «асура» (санскр. *ásura* – древнеиндийские (отвергнутые) боги), – слово *ásura* на самом деле связано с санскр. *ásu* / авест. *aḥu-* «жизненная сила». Необоснованными выглядят заявления на с. 223 о восприимчивости «среды североиранских кочевников ... к индийским влияниям по причине того, что они были поклонниками дэваясны и противниками иранского маздеизма. Иран, напротив, всегда находился в жесткой оппозиции к религиозным и культурным установкам Индии». Религиозная картина была гораздо сложнее, чем ирано-индийская конкуренция. Ни о какой «жесткой оппозиции» речи не может идти хотя бы потому, что иранская и индийская традиции развивались отдельно, с чем и связаны многие несоответствия между ними. Термин «дэваясна», вводимый автором, нельзя считать корректным для обозначения религии. В самой «Авесте» под *daēva-iiasna-* подразумевается человек, поклоняющийся демонам, и если даже допустить, что в староавестийском *daēva-* могло использоваться для обозначения дозораострийских богов, этого недостаточно для переноса термина на религии, о которых нам не так много известно.

В качестве более формальных замечаний следует указать по крайней мере два. К сожалению, автор не различает древний иранский культ Митры и религию митраизм, и на с. 226 в качестве подтверждения своего мнения необоснованно ссылается на книгу В. Ю. Крюковой «Зороастризм» (СПб., 2003), где ничего подобного не излагается. Ни в списке публикаций автора в автореферате, ни в списке литературы в самой диссертации не упоминается опубликованная автором по теме диссертации книга Хамидуллин С. И. Бурджаны в истории Евразии. Научное издание. Уфа. Гилем. АН РБ. 2013 г. 224 с. Твердый переплет (ISBN: 978-5-88185-097-5 / 9785881850975).

Высказанные замечания не умаляют значение диссертационной работы С. И. Хамидуллина, выполненной на высоком уровне, являющейся самостоятельным законченным научным исследованием. Диссертация удовлетворяет требованиям «Положения о порядке присуждения ученых степеней», предъявляемым ВАК Минобрнауки России к диссертациям на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Автореферат диссертации полностью отражает ее содержание и составлен согласно соответствующим требованиям. Салават Ишмухаметович Хамидуллин заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07.

Официальный оппонент, кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник отдела этнографии Центральной Азии
Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Университетская наб., д.3, СПб., 199034, +7 812 3280812,
Victoria.Kryukova@kunstkamera.ru

Крюкова Виктория Юрьевна

Подпись В. Ю. Крюкова

Крюковой В.Ю.

Завершил Ишмухаметов

Зав. канцелярии Ишмухаметов С.В.